

Начиналось все неплохо. Я родилась в большой семье, в большом доме; спустя два года после моего рождения появилась сестра Анютик. В чемоданчиках с генами, которыми нас с Анютиком одарили, были сломаны замки, но поначалу это не бросалось в глаза, и мы жили под присмотром родителей и бабушки, росли, играли. Папа имел свой бизнес — так было принято говорить в те времена, — когда он впервые увидел маму и захотел от нее детей. Он искал нормальную жену, нормальную женщину, какой была его мать. Крепкую, с сиськами, чтобы хорошо готовила и занималась детьми. А уж он мог обеспечить и ее, и детей, сколько бы их там ни было. “Все нормально”, — говорил папа, напиваясь. Но все отнюдь не всегда было так.

Обычно все было совсем даже не нормально. Но это не играло такой уж решающей роли, когда был дом, на первом этаже — кухня, она же

столовая, все проектировал дизайнер, и барная стойка, над ней висят сковородки розовой меди, ужасно, ужасно дорогие. Всю эту кухню папа планировал под жену. Ее не было, вернее, была какая-то Лена с сиськами, но папа не желал ее видеть своей женой. Он, правда, жил с ней, отдыхали вместе на Кипре, он четко отслеживал, чтобы в дьюти-фри Лена тратила не меньше двухсот долларов, на Кипре они вместе фотографировались, лежа в прибое. Ели рыбу, если вдруг что-то нравилось, он безропотно покупал, хотя и посмеивался — Ленин выбор папа почему-то всегда находил немножко глупым. Но зато она отвлекалась — на выбор. А папе звонили из Москвы и требовали немедленного решения по поводу офиса.

Когда мы родились, папа с офисом определился. Снимал бывшее советское помещение — на фасаде была мозаика в стиле соцреализма: женщины, дети, рабочие, все они так крепко стояли на земле, что ноги их казались бетонными. Сам папин бизнес едва ли отличался таким качеством. И поэтому его дом, его дизайнерская кухня, все его сковородки розовой меди вместе должны были фиксировать какое-то важное, необходимое, но почему-то отсутствовавшее качество жизни.

Он это понял, когда однажды, совершенно случайно, подвернул ногу на улице и сам — от посторонней помощи отказался — доковылял до

ближайшего травмпункта. В этом месте судьба папы пересекается с судьбой мамы. Но это неинтересно. Потому что папа просто дал ей сто долларов за перевязку, потом вяло хохмил насчет перелома, потом трахнул на коричневой дерматиновой кушетке, а потом сказал, что уезжает. На маму это большого впечатления не произвело. На нее вообще ничего не произвело впечатления — ни его нога, ни его член, ни сто долларов. Еще ему все время звонила Лена, и, чтобы маму наконец взбодрить, он в очень грубой форме оповестил Лену о том, что все кончено, а маме предложил свой дом. Ну, и все остальное.

Чтобы понять, почему мама согласилась, надо представлять себе бабушку. А бабушкино мнение о жизни было довольно критическим, возможно, оно подпитывалось ее работой. Она служила терапевтом в поликлинике, и каждый день внушительный поток людей убеждал ее в том, что все очень нелегко. Что касается мамы, то она, по протекции бабушки, тоже окончила Первый мед, но ее практика оборвалась по причине тотального отсутствия интереса к своему предмету. На лето перед предполагаемым поступлением в ординатуру мама устроилась санитаркой в травмпункт. Воспоминания об этом месте она сохранила самые хорошие. Когда она рассказывала, какой там был заведующий Арам Артурович, как там пили и безобразничали с наступлением темноты, ее взгляд теплел и в синоптическое пространство

приходили медленные допаминовые волны. Бабушка, уверенная в том, что мама получает неоценимые врачебные знания, уехала на двадцать один день отдыхать в санаторий.

В одну из ночей, когда весь травмпункт с одобрения Арама Артуровича пил, а мама, напившись, спала на застеленной клеенкой кушетке, доставили парня. Как потом выяснилось, он прыгнул из окна, но друзья, которые его привезли, пытались это скрыть. Они дали Араму Артуровичу денег, чтобы он наложил на ногу гипс и никуда не сообщал, потому как в противном случае парня отвезли бы в дурку и вместе с гипсом на сломанную ногу он получил бы в качестве врачебной помощи убойные дозы галоперидола.

Накладывать гипс Арам Артурович поручил маме. Она неожиданно хорошо справилась с задачей, а наутро они с парнем, который представился Толиком, уехали из травмпункта вместе. Когда бабушка вернулась из санатория, мамы дома не было. Она позвонила с неизвестного номера ближе к вечеру и сказала, что нашла любовь. Бабушка мало что могла разобрать из сбивчивой маминой речи, к тому же в трубке кто-то настойчиво тьякал.

— Кто там лает? — крикнула бабушка. — Я плохо тебя слышу!

— Мы щеночка завели, — сказала мама. — Ну ладно, я позвоню потом.

Бабушка нервничала, но ближе к полуночи приняла половинку диазепама и подумала, что ничего страшного не произошло. Ее дочь совершеннолетняя, она встретила мужчину. Рано или поздно это должно было случиться. В то, что все может сложиться нормально, бабушка изначально не верила и поэтому решила просто ждать, пока весь ад грянет в свои цимбалы. Она не искала маму, даже когда наступила осень и позвонил ее знакомый Леопольд Львович из ординатуры.

— Боюсь, она не сможет учиться, Леопольд, — сказала бабушка, — у нее проблемы. Со здоровьем.

Сентябрь, октябрь и половину ноября бабушка особенно свирепствовала в поликлинике, а ближе к концу осени на пороге ее дома появилась осунувшаяся мама в чужой плащевке и с подростком кокера на поводке. Мама была издергана и толком не понимала, что происходит. Ее Толик оказался каким-то странным. То есть летом все шло хорошо, перелом у него оказался легким, уже в июле гипс сняли, они на Клязьму ездили, к его маме, он такой веселый был. Золотая молодежь, актер, он ведь с пяти лет снимался, и мать его в театре, и друзья все такие, творческие. Бабушка мрачно слушала. Осенью, по словам мамы, Толик стал меняться. Он мог сидеть часами, уставившись в одну точку, отвечал невпопад. Путал слова. Вдруг до-

ставал с антресоли горнолыжные ботинки и начинал складывать сумку, чтобы ехать кататься.

Мама пошла гулять с собакой, но встретила соседку, которая рассказала, что на проспекте убили мужчину и всё оцепили менты. Мама захотела посмотреть. Вернувшись домой, она простодушно поведала Толику историю с телом и ментами. Толик занервничал. Он удалился на кухню, а вышел оттуда с ножом. Стал ловить в коридоре собаку, собака визжала и пряталась за маму. Толик был уверен, что, пока мама тупила над убитым, менты вживили в собаку микрочипы и, возможно, даже подслушивающее устройство. И ее надо срочно разрезать.

Мама неожиданно для Толика распахнула входную дверь и заорала: “Гулять!” Собака выбежала. За ней выбежала и сама мама. Они воссоединились с собакой на втором этаже и вместе поехали к бабушке.

— А ты сразу не поняла, что он шизофреник? — спросила бабушка.

— Он не шизофреник! — крикнула мама. — Он актер! Он с детства в кино снимался...

— Или наркоман, — заключила бабушка.

Толик еще пару недель звонил маме и пытался вызвать ее на встречу, но бабушка так ее запугала, что она не соглашалась. Потом он исчез. В состоянии депрессии мама тем не менее продолжала ходить на работу в травмпункт, где ее и подхватил папа.

Из-за того, что Анюттик появилась так быстро после меня, у мамы начались те самые проблемы со здоровьем, которые опрометчиво предрекла в разговоре с Леопольдом Львовичем бабушка. Ноги поразил варикоз. Вены, идущие от ступней к щиколоткам, почернели, на лодыжках набухли тяжелые, темные гроздья. Мама больше не могла носить юбки. Она очень переживала из-за ног, но почему-то не лечилась. Ей несколько раз настоятельно предлагали сделать операцию, но бабушка отговаривала после случая с какой-то знакомой знакомых, которой на операции вместо вены перерезали артерию и ногу пришлось отнять.

Варикозные ноги, двое маленьких детей, собака и дом, в котором она торчала безвылазно, погрузили маму в апатию. Многие дети в нашем заповеднике ходили в детский сад, но нас туда папа отдавать запретил. Его отношения с мамой вообще были крайне лаконичными. Он или что-то давал, или забирал.

Как и многим мужчинам, ему почему-то казалось, что счастье женщины состоит из ограниченных и очень простых вещей, типа того, что изображается в рекламе. Вот дом, вот кухня с красивыми сковородками, вот дети, вот кокер-спаниель, а вот и платья в шкафу, духи на столике, крем в ванной. Разве же это не счастье? За то, что именно он все это угадал и маме преподнес, папа хотел если не безумной любви, то хотя бы благодарности. Но не получал и ее. Единственным, что

он получал, были слезы, скандалы и разрушительное поведение. Это папу расстраивало. Это угрожало его рациональности, он начал подозревать, что просто выбрал не ту женщину.

Папа уезжал на работу рано утром. Мы с Анютиком, голодные, в трусах и майках, врывались в родительскую спальню и прыгали по маме, пытаясь ее растормошить. Это была задача не из легких. Мама лежала в кровати на спине, а из глаз у нее катились слезы, она даже не делала попыток вытереть их. Кокер по кличке Долли поскуливал, сидя на полу перед кроватью, а потом перемещался в коридор, где к моменту, когда мама все-таки находила в себе силы подняться, всегда была лужа. А иногда и куча.

У нас в принципе отсутствовали понятия завтрака, обеда и ужина. Иногда маму удавалось вытащить из постели в двенадцать, иногда вообще в два. Бывали дни, когда она вставала, в ночной рубашке заходила на кухню и ставила кастрюлю с кашей на конфорку. Через минуту она забывала про кашу, и та горела, покрывая дно кастрюли розовой меди неотмываемой коричневой коркой. Мы обедали кашей, завтракали супом, в зависимости от того, что стояло в холодильнике ближе, когда мама его открывала. Если после приема пищи она снова не возвращалась в постель, мы шли гулять с собакой.

Мы требовали, чтобы мама отвела собаку домой и сходила с нами на детскую площадку. Она

почему-то сопротивлялась, собака была для нее чем-то вроде якоря: когда она находилась по другую сторону поводка, мама словно чувствовала себя устойчивей. Если все-таки от Долли удавалось избавиться и мы добирались до каруселей и турников, мама садилась на скамейку и сидела много часов, уставившись в одну точку. Иногда мы гуляли на площадке до темноты. Так Анютик однажды зимой обморозила себе пальцы на ногах, а я чуть не лишилась языка, лизнув качели. Если бы не какой-то мужик, отогревший мой язык своим дыханием с чесноком, трудно спрогнозировать, чем бы та прогулка закончилась.

Мы с Анютиком перед сном лежали в кроватях и говорили, как ненавидим маму. Наш круг общения был не особенно велик, но ни у кого из знакомых детей такой мамы не было. Чужие мамы ходили на каблуках, в сережках, у них было и двое, и трое детей, собаки и кошки, но они всегда вставали и готовили завтрак, а не лежали в кровати со слезами на глазах.

— Мне кажется, — заключила Анютик, — ей просто не нравится жить.

Папа снова сошелся с Леной. Доходило до того, что он подъезжал к нашему дому в своем огромном джипе совершенно пьяный, и потом из джипа вываливалась совершенно пьяная Лена и что-то оскорбительное кричала нашему забору. Папа хохотал. Если Лена была не слишком настойчива в оскорблениях, папа целовал ее вза-

сос на наших глазах и снова погружался с ней в джип. Если она конкретно хамила, папа мог ее побить. Бил он ее по лицу, иногда увлекался, сбивал с ног и потом, лежащую на земле или на снегу, если зимой, крепко пинал ботинками.

В какой-то момент бабушка нашла для мамы врача. Он жил в частном доме в Видном и лечил бывших спортсменов. Бабушка говорила, что к нему едут со всего СНГ. Утром мы с мамой и Анютиком сели в джип и спустя пару часов добрались до дома доктора. Анютик просила пить, и его жена завела нас в грязную, с запотевшим окном кухню, где на столе, на заскорузлом полотенце, были разложены шприцы. У доктора был свой метод: он делал раствор на основе йода, вводил его в нескольких местах в большую вену и тем самым сжигал ее изнутри. Вена уходила под кожу. Мы ездили в Видное несколько месяцев, от гроздьев на маминых ногах остались только синеватые пятна. Напоследок доктор посоветовал маме делать лечебную гимнастику для ног.

Я пошла в первый класс. Это выглядело немало предательством. Теперь я присоединилась к папе, уходящему из нашего проклятого дома, а Анютик оставалась одна с мамой и Долли. В школе мне нравилось. Там не было интересно, там не было хорошо, но там было предсказуемо, и я купалась в этой предсказуемости, как воробей в луже. Во всех действиях и оценках была логика, и эта логика была понятна: хорошо учишься —

ты хороший, не слушаешь учителя — ты бездельник, гуляем, потому что полезно, обедаем в три. Я хорошо училась, после уроков читала или рисовала, учителя меня хвалили за усидчивость.

У мамы же это полезное качество напрочь исчезло. То ли почувствовав легкость в ногах, то ли с излишней ревностью восприняв прощальное напутствие доктора из Видного, мама увлеклась фитнесом. Она по-прежнему лежала в постели до полудня, но после вдруг вскакивала и развивала бешеную активность. Мама натягивала на упиравшуюся Анютика колготки и комбинезон, и в любое время года они шли гулять, и Анютик уныло бросала Долли палку, а мама приседала, бегала на месте, делала махи ногами и ходила приставными шагами. Так могло продолжаться несколько часов. Потом они возвращались домой, Анютик получала какой-то обед, а мама, снова в майке и спортивных трусах, скакала теперь уже в комнате перед телевизором. Вечером, когда вся наша семья собиралась на кухне за ужином, мама могла внезапно встать из-за стола и уйти в спальню, чтобы делать там березку. Она похудела и окрепла, старая депрессивная одежда ей больше не годилась. Она купила себе новую. Много.

У отца поднялась температура, и вдобавок он поругался с Леной. Он не брал шофера, тот с утра позвонил и тоже пожаловался на жар. Папа бросил свой грандиозный джип у нашего забора

и вдруг увидел Анютика, убегающую под ели. Горячий, почти сорокаградусный папа поднырнул под ель за Анютиком и увидел маму в позе ласточки, а также своего шофера, интимно ее поддерживающего. Отец позвал Анютика и крикнул шоферу, что тот уволен. Шофер убежал. Мама, папа и Анютик вернулись домой, и отец приступил к допросу. Он, как на незнакомого человека, смотрел на подтянутую краснощекую маму и по кругу повторял одни и те же вопросы, перемежавшиеся странными требованиями. Сначала он спрашивал, как давно мама спит с шофером, на что мама отвечала, что не спит с ним. Просто он помогал ей. Отец несколько секунд молчал, а потом потребовал, чтобы мама призналась: она ведь давно уже живет с шофером, вся эта аэробика — лишь предлог. Мама в этом признаваться не желала. Тогда отец немного поменял угол вопроса: чем она занималась с шофером под елями? “Аэробикой”, — сказала мама. “Ты меня за идиота держишь?” — спросил отец.

Суть происшедшего я знаю лишь со слов Анютика, поэтому затрудняюсь сказать, сколько весь этот бред продолжался. Не получив ответов, отец начал маму избивать; Анютик дико орала. Маме удалось подхватить Анютика и Долли и закрыться от отца в ванной на нижнем этаже. Он попытался выломать дверь, но вскоре в его голову пришла идея получше. Отец обложил дверь в ванную газетами, полил их керосином, кото-

рый стоял в подсобке для каких-то сантехнических нужд, поджег и ушел из дома. Мама, Анюттик и Долли, равно как и весь дом, не сторели только потому, что керосин оказался просрочен и через пять минут после поджога в дом вошла бабушка, обеспокоенная тем, что мама ей целый день не звонила. Она сразу затушила занимавшиеся обои, а мама после долгих уговоров открыла дверь в ванную.

Анюттику дали валерианки, а мама с бабушкой заперлись в спальне, и бабушка долго ее пытала. Она тоже почему-то не верила, что шофер помогал маме делать ласточку. Мама рыдала. Бабушка заключила, что мама — полная идиотка, а такой психически неустойчивый человек, как отец, может быть опасным для детей, и мама с жаром согласилась. Бабушка боялась, что отец не отдаст маме нас с Анюттиком, но тут в дом ворвалась Лена. И приказала нам всем, включая бабушку, выметаться. Прокричав все это, она вошла в нашу кухню, где висели на специальной стойке сковородки и кастрюли розовой меди. Лена вдруг заплакала. Она стояла среди сковородок, плакала, а ее сиськи воинственно подрагивали в такт рыданиям.